

ПОТРЯСАЮЩАЯ НАХОДКА В АХИИ!

Бесценный клад: ранее неизвестные
драконианские письма
Триумф лорда Гленли
«Теперь-то мы, наконец, узнаем правду
о прошлом»

Пусть и почти безводные, пустыни Ахии — настоящий кладезь секретов. Год от года пески их являют людям новые и новые реликвии прошлого, новые частицы культурного наследия древних дракониан, цивилизации, изумлявшей весь мир многие сотни — нет, многие тысячи лет.

И вот сегодня они отдали в руки человечества неоценимое сокровище, сравнимое с самим Сердцем Стражей — колоссальное собрание памятников драконианской письменности, спрятанных неведомо кем в глубочайшей пещере и позабытых всеми до наших времен. Экспедиция, возглавляемая Марком Фицартуром,

эрлом Гленлийским, отважилась углубиться в пустынный регион под названием Каджр, где археологи на выдающиеся открытия отнюдь не рассчитывали. Там-то сам эрл, укрывшись в пещере от полуденной жары, и обнаружил клад из многих сотен табличек, абсолютно неизвестных современным ученым.

Чьи руки захоронили их под землей, в недрах этой пещеры, так далеко от любых известных на данный момент поселений? Был ли то некий древний отшельник или просто скупец, решивший спрятать свою библиотеку от чужих взоров? А может быть, эти тексты пытались сбредить от раз-

МАРИ БРЕННАН

гула насилия во времена Низвержения, положившего конец власти дракониан? Этому нам с вами не узнать уже никогда — разве что сами тексты содержат хоть какой-то намек на их ценность либо происхождение. Но содержание табличек пока, увы, неизвестно: опасаясь, как бы к месту находки с тем, чтоб поживиться сокровищами, не слетелись грабители, лорд Гленли настоял на скорейшем их вывозе. Найденное лорд намерен перевезти в

родовое поместье Стоксли, под кровом коего уже собрал одну из обширнейших в мире частных коллекций памятников драконианской эпохи.

В ответ на просьбу о комментариях Симеон Кейвелл из Музея Томфри заявил следующее:

«Мы поздравляем лорда Гленли с невероятной удачей и надеемся, что он не замедлит поделиться подробностями открытия с мировой общественностью».

*Отправитель: Канцелярия куратора отдела
дракониианской культуры и искусства
Получатель: Алан Престон*

*14 нивиса,
Музей Томффри,
№ 12, Чизхольм-стрит, Фальчестер*

Дорогой Алан!

Ладно, твоя взяла. Лорд Гленли, как ты и предупредил, несносен до крайней степени. Пришлось мне в крошечной тьме садиться за руль и ехать к ближайшей гостинице: очень уж не хотелось, пользуясь радушием этого типа, ночевать у него.

Действительно, слухи о богатстве его частной коллекции ничуть не преувеличены, но, понимая, что половина этого собрания наверняка приобретена на заокеанских черных рынках, а другая — на нашем собственном черном рынке, в Ширландии, мне лично трудно тут чем-либо восхищаться. Именно с такими клиентами и любят водить дружбу субъекты вроде Джозефа Дорака: на сами реликвии ему, очевидно, плевать, собирает он их (особенно дракониианские материалы) только ради престижа. Вспомнить хоть барельефы — бесценные сокровища, варварски спиленные с изначальных мест и, вероятно, доставленные на наши берега контрабандой, дабы украсить стены сафая, который он называет родовым поместьем, — честно тебе скажу: плакать хочется. Знай азиатские власти, что в Кадже может отыскаться хоть что-либо ценное, не видать бы

Гленли разрешения на поиски, как своих ушей. И вот теперь в его руках то, что газетчики упорно зовут «величайшей археологической находкой со времен Сердца Стражей» (ха! пари держу: он сам им за эти статейки платит!), и никто ничего не в силах с этим поделать.

Каких-либо способностей к языкам он, надо заметить, лишен, но к добру это, или к худу, сказать затрудняюсь. С одной стороны, подобные знания позволили бы ему по достоинству оценить находку, с другой же — в таком случае он, вероятнее всего, взялся бы исследовать письмена сам и, несомненно, за недостатком увлеченности, необходимой, чтоб сделать дело на совесть, изрядно бы напортачил. Словом, обстоятельства таковы: находку свою лорд Гленли оберегает так ревниво, что мне пришлось пререкаться с ним битый час, прежде чем он хотя бы позволил мне взглянуть на нее целиком — а поначалу, вообрази, упорно совал под нос несколько разрозненных табличек и на основании этих крох всерьез ожидал от меня развернутого, всестороннего суждения о материале!

Но в конце концов я его убедил. Суть в следующем.

Клад состоит из двухсот семидесяти одной таблички, включая сюда фрагменты таковых. Некоторые из фрагментов, по всей вероятности, составляют единое целое — по крайней мере, в трех парах я абсолютно уверен, но остальные (а их, должен сказать, немало) требуют более тщательного изучения. На мой взгляд, конечный итог выйдет ближе к двумстам тридцати.

Сохранность их весьма различна, однако насколько причиной тому небрежение консервацией, неизвестно. Гленли — в этом следует отдать ему должное — хватило ума позаботиться о ней немедля, так что, надеюсь, солевых повреждений особо опасаться не стоит. Но часть табличек (полагаю, еще до захоронения) подверглась значительному износу, а поверхность нескольких сильно выкрошена, что, боюсь, весьма затруднит, если не сделает невозможной, расшифровку пострадавших участков.

В отношении содержания — так сказать, ассорти. Беглый обзор (на большее времени у меня не имелось) примерно таков. Несколько, вырезанные из известняка — скорее всего, царские указы, а большая часть — самый прозаический налоговый учет. (Знаешь, порой мне думается, что налоговому учету посвящена минимум половина всех созданных драконианами текстов, а то и больше.)

Но, что до остального... да, слухи верны — по крайней мере, на мой взгляд. Четырнадцать табличек имеют одинаковую форму и толщину, и писаны, похоже, одной и той же рукой. Судя по явной архаике языка (сплошь устаревшие символы, что делает расшифровку задачей крайне нелегкой) все это единый, непрерывный текст — на первый взгляд, повествовательного свойства. Прав ли лорд Гленли, объявляя его «утраченной историей драконианской цивилизации», или нет, без дальнейших исследований сказать не могу, но находка, бесспорно, потрясающая.

И в руках этого типа пропадает зря!

Однако надежда имеется. Памятуя, с какой неохотой Гленли позволил мне осмотреть таблички, я думал, что уговаривать его перевести текст и опубликовать перевод придется не один месяц. Но, видимо, он понимает, что, если содержание текстов так и останется неизвестным, через пять лет всем на его находку будет плевать, поскольку выполнить перевод предложил прежде, чем я хоть словом о том успел заикнуться. Более того: я убедил Гленли, что достоинство его древней фамилии требует отнестись к этим табличкам с величайшим вниманием и аккуратностью. Уверен, мысли твои уже устремились в известную сторону, но тут-то я тебя и удивлю, направив их ход двумя поколениями далее. Полагаю, нам следует привлечь к этой работе Одри Кэмхерст.

Согласно моему мнению, во всем, что касается владения драконианским языком, она легко может сравниться с дедом. Мало этого, в данном случае у нее имеется немало

МАРИ БРЕННАН

перед ним преимущество, а именно — пол. Как ты сам говорил, в любом появившемся рядом мужчине лорд Гленли видит либо нижестоящего, либо соперника, угрозу собственному престижу, а между тем ни то ни другое делу нашему не на пользу. Мисс Кэмхерст, будучи женщиной, на демонстрации превосходства его не спровоцирует. Ну, а если он, паче чаяния, вздумает кичиться перед ней высотой положения — что ж, имя бабушки послужит Одри и мечом и щитом. Учитывая, что все внимание ее семьи в данный момент сосредоточено на приготовлениях к Фальчестерскому Конгрессу, который откроется следующей зимой, дед ее вряд ли располагает временем и силами, потребными для решения подобной задачи, а вот Одри за такой шанс ухватится обеими руками.

Нет, лорду Гленли я ее пока не рекомендовал, так как полагаю, что наша юная леди заслуживает предупреждения, прежде чем я приведу его к ней на порог, однако, если у тебя не имеется против сего серьезных возражений, намерен написать ей безотлагательно. Миру не терпится узнать, о чем могут поведать эти таблички, и нам не следует заставлять его ждать.

Твой друг,

Симеон.

Из дневника Одри Кэмхерст

4 плювиса

Сегодня, прибыв в родовое поместье лорда Гленли, попала под проливной дождь, за время недолгого пути от автомобиля до двери превративший меня в мокрую курицу. Хватило б его лакею ума держать в кабине авто зонтик, ничего подобного бы не произошло. Небрежение службой? Или тонкий расчет со стороны лорда Гленли? Знаю, Симеон полагает, что, поскольку я не мужчина, эрл не почувствует надобности вести себя со мной вызывающе, однако сама не так уж в этом уверена. За время знакомства, пусть пока что и непродолжительного, у меня создалось впечатление, будто он откровенно наслаждается ситуацией: подумать только, в его поместье, в такую даль, ради того, чтобы взглянуть на его таблички, приехала внучка *самой леди Трент!* Но, исходя из сказанного Симеону Аланом, я невольно задаюсь вопросом: уж не боится ли он, как бы отныне предметом общего интереса вместо него не сделалась я? Возможно, позволив мне вымокнуть, он этак по-своему ставит меня на место?

Что ж, ладно. Если такова цена права взглянуть на таблички, я ее заплачу. Судя по всему, что я слышала о лорде Гленли, над находкой своей он трясется, будто мать-драко-

ниха над кладкой яиц. (Кстати, отчего эта метафора у нас до сих пор в ходу, хотя гранмамá неопровержимо доказала, что большая часть драконов яиц не высиживает?) Таким образом, внушить ему столь неодолимую тягу опубликовать свое новое приобретение могло разве что только чудо, и как-то сомнительно мне: не вздумается ли ему пойти на попятную? Если вдруг вздумается... ну нет, тайком утащить с собой копии своих записей я отнюдь не побрезгую, и будь что будет. Не сомневаюсь, залог отец за меня внесет, а после я предстану перед судом этакой трогательной, целеустремленной приверженкой науки, и газетчики подобный спектакль проглотят сразу же, только подавай.

Увидев меня, лорд Гленли здорово опешил — и, полагаю, вовсе не оттого, что я до нитки промокла. Обычно люди склонны забывать, кто такова моя мать, хотя все, что бы наше семейство ни сделало, неизменно попадает на первые полосы газет, потому и ожидают, что я окажусь типичной ширландкой, потому и удивляются, обнаружив, что это не так.

Однако опомнился он, стоит отдать ему должное, быстро.

— Мисс Кэмхерст, — заговорил он, вспомнив о подобающей случаю учтивости, — добро пожаловать в Стоксли. Сожалею, что дорога оказалась для вас столь утомительной.

— Похоже, здесь настоящий сезон дождей, — сказала я, в то время как с меня вовсю текло на мраморный пол. — Но ничего. Если бы всю дорогу сюда пришлось плыть, я и на это пошла бы. Когда я могу приступить?

Тут лорд снова опешил.

— Приступить к... Девочка моя дорогая, вы ведь едва в дом вошли! Мне бы и в голову не пришло вот так, с порога, усаживать вас за работу.

«Девочка...» Мне это обращение — всегда как кость в горле. Я в свои двадцать три женщина вполне взрослая, но, видимо, так и останусь в глазах окружающих девчонкой, пока не поседею или замуж не выйду.

— Вы меня за работу и не усаживаете, — сказала я. — Я сажусь за нее сама. Сказать откровенно, мне просто не терпится взглянуть на вашу находку. Позвольте только до-суха вытереться, и...

Но, разумеется, я напрасно сотрясала воздух. Вначале мне непременно должны были показать мою комнату. Затем горничная лорда Гленли пыталась настаивать на горячей ванне: дескать, я ведь, должно быть, продрогла до самых костей. Признаться, я вправду немного озябла, но это меня ничуть не заботило. Насухо вытершись, я бросила взгляд в зеркало и обнаружила, что волосы, как обычно, когда на дворе сырость, торчат во все стороны. Горничная предложила поправить дело, но, очевидно, как совладать с моей гривой, не имела ни малейшего понятия. Заколов волосы сама, я переделась в сухое и двинулась на вылазку, чтоб разыскать хозяина и заняться, наконец, тем, ради чего явилась.

Только вот ему, конечно же, непременно потребовалось устроить мне тур по фамильным хоромам — исключительно ради возможности показать собранную коллекцию. У этого человека совершенно нет *вкуса!* Чувства последовательности — и то никакого. Нагромоздить вокруг койяхуакских фресок никейские фризы, а перед всем этим поставить йелланскую вазу чудовищной величины, так что за ней ничего не разглядишь — это, скажу я вам, ни в какие ворота. А что до драконианских реликвий... похоже, ему неизвестно, а то и безразлично, что стенные росписи, традиционно помещаемые над кладкой яиц, нависают прямехонько над погребальной стелой. Увидев подобное, древние пришли бы в ужас, но я, загодя предупрежденная Симеоном, лишь охала да ахала, чего от меня и ждали, а морщилась только когда хозяин повернется спиной.

Но вот, наконец, мы перешли к делу.

— Должен вам сообщить, мисс Кэмхерст, — заговорил лорд Гленли, — что к сему начинанию у меня имеется ряд

требований. Если они окажутся для вас приемлемыми, можете приступить к работе завтра же.

Неудивительно, что табличек он все еще не показал! Прошу заметить, он мог бы известить меня об этих «требованиях» прежде, чем я приеду в такую даль... но нет, лорд Гленли — отнюдь не круглый дурак и прекрасно знал, что мне много труднее будет отказаться, если таблички здесь, рядом, отделены от меня всего-то парой тоненьких стен.

— С радостью выслушаю ваши требования, — как можно любезнее сказала я.

— О, они вовсе не обременительны, — заверил эрл. — Во-первых, мне потребуется, чтоб вы работали здесь, не вывозя табличек куда-либо еще. Разумеется, частью причитающегося вам гонорара будет полный пансион на весь необходимый срок. Доставку сюда необходимых вам вещей я тоже возьму на себя.

Остаться в Стоксли? Что ж, этому удивляться не стоило: при изучении материалов из чьей-либо частной коллекции подобное вполне разумно. Однако труд, по словам Симеона, предстоял долгий, а значит, мне придется провести здесь не один месяц...

Впрочем, спорить я даже не думала.

— Совершенно верно. Пожалуй, много вещей мне не потребуется: я привыкла жить на борту корабля, когда все пожитки умещаются в одном рундуке, и тот по большей части наполнен книгами.

Лорд Гленли кивнул, да так, что мне сразу же сделалось ясно: моя личная жизнь ему ни капли не интересна.

— Во-вторых, мне не хотелось бы, чтобы хоть слово о содержании этих табличек утекло на сторону, пока я не буду готов представить перевод обществу во всей его полноте. На основании разрозненных отрывков люди начнут строить всевозможные предположения и чего только не навывдумывают... Словом, я бы хотел опубликовать весь текст целиком.

Вот тут, дневник, я едва не пискнула от досады! Ну конечно, ему хочется со всей помпой представить публике полный текст, и, говоря откровенно, в этом его трудно упрекнуть. Разумеется, людям гораздо интереснее прочесть сразу все, пусть даже публикация фрагментов по ходу дела была бы много обычнее. Однако, учитывая объем основного текста, все это означает, что дожидаться возможности поделиться им с миром придется *целую вечность!*

Подумала я над словами хозяина, поразмыслила...

— «Утекло на сторону»? Что именно вы под этим...

— Под этим я имею в виду, что делиться сведениями о тексте вам не позволено ни с кем. Ни с кем, пока не закончите. Боюсь, мисс Кэмхерст, я должен настаивать на сохранении тайны — не сомневаюсь, вы меня в этом поймете.

О, да, понимаю. Он — алчный старый червь, это очевидно, а еще понятия не имеет, как работают над подобными задачами.

— Но что, если я столкнусь с затруднениями? Консультации с коллегами-учеными в ходе работы — практика общепринятая.

— Мне дали понять, мисс Кэмхерст, — деланно изумился эрл, — что вы — один из лучших специалистов в своей области знания. Ваш дед был пионером расшифровки драконианского языка, а ваша бабушка... ну, что ж, ее репутация известна на весь мир. Доктор Кейвелл из Томфри сказал, что вы начали изучать драконианский шести лет от роду. Но если вам не обойтись без консультаций с другими, мне, вероятно, следует обратиться к кому-либо из них.

Меня так и бросило в жар.

— Я говорю вот о чем: древние тексты зачастую очень расплывчаты. Мне может потребоваться сравнение вашей находки с другими табличками, хранящимися в том же Томфри, или в частных коллекциях.

Это была лишь одна из причин, но других, которые он не примет за признание в некомпетентности, мне на ум не пришло.